

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Азбука подчинения, как грань сексуальной жизни

— Ну ты даёшь...

— Ещё как даю. Давала, и давать буду.

На что это похоже? Со стороны, так срамота и позорище. Я возбудилась, и тут же на месте немедленно кончила, едва не лишившись чувств, пережив при этом взрыв испепеляющей страсти. Надругательство произошло при всём честном народе, но когда способность к сопротивлению покинула меня, и я безвольно опустила руки, моё прилюдное посрамление добавило моим переживаниям особого, неповторимого шарма, усилив во множество раз глубину и яркость переживаний. Взрыв оргазма заставил меня застонать громко и чувственно, в сексуальном порыве прямо в автобусе, приведя в неописуемый восторг почти всех пассажиров, вместе с водителем и кондуктором в придачу. Затаив дыхание, они с вожделением наблюдали за моим унижением, и половина из них снимала на камеры. А когда оргазм сотряс моё тело, едва не вывернув наизнанку, толпа дружно ахнула, и захлопала в ладоши. Что бы они не подумали, но они аплодировали ей, годящейся по возрасту мне в матери, нагло изнасиловавшей меня извращенке.

После наступления полового удовлетворения ко мне ненадолго пришло ощущение жгучего стыда, я готова была провалиться сквозь землю, и эти овации я восприняла на свой счёт, как оскорбление и унижение человеческого достоинства. Однако такое чувство вскорости прошло, сменившись жадной похотью. На меня смотрели все, и мне этого хотелось. Лишь парочка бабушек ни на что не обратила внимание, продолжая что-то там шепелявить про цены и погоду. Я и ведать не ведала, думать не знала, что это всего лишь прелюдия, своего рода вступительное слово перед демонстрацией кассового блокбастера. Да будет сказано в тему, мне часто приходит на ум воспоминание одной мыльной оперы из разряда «мудовые рыдания», которую я просматривала на вполне благопристойном телеканале. Это было пару лет назад, но в память врезался один короткий эпизод. В общем, дочь какого-то магната-бизнесмена похищают с целью получения выкупа, и по очереди стерегут на какой-то съемной хате такие же молодые, как и она, бандиты. Девушку для пущей надёжности привязали к стулу за ноги, и сбежать по определению, она не могла.

Одному из стражей стало скучно, и он решил немного поразвлечься. Он подошёл к пленнице, и бесцеремонно запустил свою руку ей под майку. Девушка встрепенулась, и тут же её отдёргнула, так как руки ей всё же оставили свободными. Он снова засунул свою грязную лапу ей туда же, и опять она её откинула. Когда же в третий раз он повторил своё непристойное действие, она уже не сопротивилась. Он молча смотрел ей прямо в глаза, и продолжал настойчиво лапать. Лицо его выражало глумливую похоть, а она, опустив безнадежно руки, тяжело дышала. Она возбуждалась. Затем выгнула навстречу грудь, подставляя её таким образом, чтобы площадь соприкосновения с бандитской ладонью была максимальной, и девичье лицо при этом засияло всеми гранями неподдельного и страстного сексуального экстаза. Похититель удовлетворённо ухмыльнулся, и изогнувшись в три погибели, отвязал её от стула. Затем, подхватив на руки, отнёс в соседнюю комнату, откуда сразу же послышались страстные певучие девичьи стоны. Возню в постели, понятное дело, не показали, однако были отчётливо слышны глубокочувственные охи и ахи пленницы в сопровождении ритмичного скрипа кровати. Тут и бревно бы поняло, что негодяй в неё проникает и трахает уже по

полной, а она так возжелала прелюбодея, что забыла обо всём на свете. Если кто заметил, то в этой сцене есть ключевой момент, придающий ей окраску психологической драмы.

Не тогда, когда бандит лапал девушке грудь, а когда отвязывал. Опустившись перед стулом на карачки, он подставил свой затылок под удар. А пленнице ничего не стоило обрушить на его голову тяжёлую вазу с цветами, дотянуться до которой незаметно было проще простого. Она могла реально сбежать, и это был шанс на все сто. Но почему-то она им не воспользовалась. Почему? Ведь похититель в это время был один, так как сторожили они, напомним, по очереди. Потому что в тот момент ей было глубоко наплевать на свою неволю, возможно даже жизнь, лишь бы он поскорее начал её трахать. В итоге натешившись, он снова привязал её к стулу, и пошёл, как ни в чём не бывало в кухню, трепаться по телефону со своими друзьями, и хвастаться о том, как он поймел и опустил богатенькую сучку. Но девица. Ей до смерти хотелось сексуального насилия. Это желание оказалось сильнее воли к жизни и свободе. Эта сцена меня настолько зацепила, что я немедленно уединилась в сортире, и с превеликим удовольствием предалась онанизму. Не смешно, между прочим. Итак...

Не родись красивой, а родись счастливой. Так ведь глаголят? А что такое счастье? В чём оно выражается? Ведь у каждого оно своё, неповторимое. Вряд ли кто задумывался над этим вопросом из-за житейских проблем и суеты, но большинство людей в нашем несовершенном мире живут и проживают свою жизнь, так и не изведав даже малой толики этого счастья. А может ли оно заключаться в несчастье? О да, ещё как может! Когда я написала об этом, многие сайты отказались публиковать моё повествование из-за откровенно непристойной, по их мнению, сцены сексуального насилия. Но ведь такое существует сплошь и рядом, и не написать об этом было бы неправильно. Обидно всё-же, когда неумело накарябанную чушь криворуких троллей публикуют аж на ура, в попытках повысить рейтинг и популярность своего портала. Ну да бог с ними. Я отвлеклась. В общем, я — стройная, длинноногая жгучая брюнетка девятнадцати лет от роду, с тонкими одухотворёнными чертами лица. Я чувственный человек, и возможно, это меня погубило. Я не такая, как все. Но ведь и все мы не такие, со своими тараканами в голове, или скелетами в шкафу, мы все абсолютно разные, и способность переживать сексуальное наслаждение разная у всех без исключения. А у меня, как оказалось, и вовсе порочная страсть. Теперь я знаю, что я не просто пошлая и грязная рабыня. Я гораздо хуже. Но до сих пор я так и не узрела своего дна. Это ожидает меня в будущем. Выходит, что у меня всё ещё впереди.

От понимания таковой перспективы на ближайшее будущее, я ухожу в полный улёт. Я хочу, нет, страстно желаю, чтобы меня опускали и опускали. Постепенно, не торопясь, методично насиловали, в одиночку, а затем вдвоём, втроём одновременно, шлёпали по щекам, кончали мне в лицо и в рот по многу раз, хлестали плёткой, топили в унитазе, ну а после — трахали с удвоенным усердием. Порой мне кажется, что я смогла бы потянуть и пятерых в одной упряжке. А если нет, то неуклонно буду к этому стремиться. Хотите — верьте, хотите — нет, но я готова сдохнуть во время полового совокупления, лишь бы угодить своим партнёрам. Мои фантазии в этом направлении теперь безграничны. Что же произошло в самом начале моего падения? Одна дама, лет сорока, с недавнего времени стала ходить за мною буквально по пятам. Она всегда парковала свой опель недалеко от подъезда дома, в котором я жила, и выйдя из машины, провожала меня долгим пронзительным взглядом. Затем начинала ходить за мной следом, в общем-то, особо не таясь. Зачем? Я задавалась подобным вопросом постоянно, и душа моя испытывала внутреннее беспокойство. Женщина была симпатичная и

стройная, если не сказать, красивая, со строгими утончёнными чертами лица.

Такие лица бывают, например, у художников, или музыкантов. Тогда я понятия не имела, что то, что ей нужно, буквально написано у меня на лице. В моём поведении это тоже читалось, и опытная развратница всё для себя уяснила, полагая вполне резонно, что я идеально подхожу для её сексуальных экспериментов. Были ли раньше у неё жертвы? Конечно же, были, и ей не впервой доводилось ломать судьбу очередной, оказавшейся на её горизонте, молоденькой девушки. Ходила она за мною не долго, и уже через неделю перешла к активным действиям. Прямо в автобусе. Наверное, все знают, что такое жара в южном мегаполисе. Это не только пылица и солнцепёк, с неработающими кондиционерами и пробками на десять кварталов. порно рассказы Ещё — это езда в душном,

раскалившемся на солнце железном салоне-ящике, набитом под завязку пассажирами, как сельди в консервной банке. Многие трутся об тебя немывтыми потными телами, дышат смрадным перегаром прямо в лицо, и бесцеремонно толкают, норовя расчистить путь к освободившемуся сидячему месту. Вот так я и ехала в один распрекрасный денёк, возвращаясь с институтского факультатива. Перекинув сумку с учебниками через плечо, я держалась за поручни, стараясь надёжно держать равновесие.

Ещё при выходе из учебного корпуса, я снова увидела ту самую красную иномарку, и по пути на остановку, буквально чувствовала неотвратимое присутствие шедшей за мной незнакомки. Едва протолкалась в салон, я ухватила за поручень, и в течение первой остановки ехала как обычно. Но когда двери закрылись, и автобус вновь тронулся, я почувствовала у себя между ног прикосновение. Я подвигала бёдрами в стороны, насколько это было возможно, пытаюсь отстраниться, но пальцы чуждой мне руки никуда не делись. Они продолжали оставаться на моей промежности, и ласково проникнув за тонкую полоску ажурных трусов, настойчиво касались моих губок. Я было подумала, что это один из автобусных хлыщей прижался ко мне, так часто бывало, но я не почувствовала твёрдого фаллоса у себя промеж ягодич. Тем не менее, ко мне прижимались. Взмокшей от жары спиной я ощутила лёгкое трение твёрдых сосков женской груди. Повернув голову вполборота, я увидела её строгое сосредоточенное лицо. Это её рука бессовестно ласкала мою промежность, а второй рукой она зажала на поручне обе мои ладони.

— Не дёрнись, шалава, иначе порву твою вульву, — раздался женский шёпот у меня возле уха.

— Что?

— Я сказала, стой спокойно и не рыпайся. Расслабься, и получай удовольствие.

Сразу после этих слов один, а затем и второй палец, проникли мне в щёлку, и я ощутила их мягкое присутствие на моём клиторе. Что же я испытала при этом? Какая другая бы, наверное, заорала на весь автобус, и подняла бучу. Но только не я. От хамского проникновения в мою плоть, искорки блаженства рассыпались по всему телу, и эхом отозвались в голове. Я тяжело вздохнула, осознав с неотвратимостью, что точка невозврата уже пройдена.

— Тебе уже хорошо. Я знала.

Пальцы продвинулись поглубже, и я поняла теперь, что хотела этого всю свою сознательную жизнь. В благодарность я выгнулась навстречу, и высвободив одну руку с риском завалиться набок, положила её поверх оскверняющей меня длани, вода по ней кончиками пальцев. Я тяжело задыхалась, ощущая то самое блаженство, которое возникает у нормальных девушек при проникновении в них полового члена. Между ног моментально потекло, и спереди на

юбке расплывалось мокрое пятно. Пассажиры, тем временем, заметили нашу возню, и стали поворачивать головы. Они видели моё лицо. Оно полыхало постыдной страстью, покрывшись капельками пота, и приоткрыв рот, я жадно облизывала губы. А женщина тем временем, неспешно поменяла руки. Спустив ладонь с поручня, она уверенно погладила меня теперь уже по мокрым трусам, и вновь деловито проникла ко мне внутрь, слегка раздвинув половые губки. Я с нетерпением молча ждала, когда же пальцы придут в движение, и вместе с этим почувствовала прикосновение на лице влажной руки, уже побывавшей в моей святая святых. — Открой рот, и не вздумай кусаться, — проговорила насильница нагло и теперь уже вслух. Возможно, это было лишним. Мои губы и так были приоткрыты, и пальцы, мокрые от моих же выделений, беспрепятственно вошли мне глубоко за щёки, поглаживая за язычок. Я отвечала, и в благодарной ласке тщательно облизывала каждый в отдельности. Теперь пассажиры внимательно, затаив дыхание, наблюдали за моим возбуждением, и многие из них похабно ухмылялись. Само собой, мужики. Никто из них так и не встал на мою защиту, и не одёрнул хамку. Им нравилось. Вокруг нас образовалось пустое пространство почти в половину метра, несмотря на то, что автобус был полон. Сейчас он стоял на остановке, и водитель с кондуктором с интересом наблюдали вместе со всеми, как наглая особа меня принародно опускает. Она вдруг извлекла из сумочки силиконовый strapon весьма внушительных размеров, способный проткнуть меня насквозь, и театральным жестом взмахнула им, словно это была дирижёрская палочка.

— Надеюсь, всем видно? — задорно заявила она.

Толпа удовлетворённо загудела, в ожидании кульминации. Но всё-же одна женщина вдруг встрепенулась и возмутилась.

— Да что же это происходит, а? Прекратите немедленно! Вызовите полицию.

Но на неё все зашикали, и замахали руками. Мол, не встревай, не твоё это дело. Моя однокурсница, оказавшаяся неподалёку, тоже повела себя неординарно. Она смотрела на меня жадными глазами, и щёки её заливались румянцем. Наконец, она выдохнула:

— Весьма экстравагантный стиль наказания. Мне, например, нравится.

Бесплатное зрелище захватило почти всех, и все ожидали развязки. А женщина тем временем, бесцеремонно приподняла спереди подол моей юбки, и вставила фаллос мне во влагище, постепенно продвигая его вперёд. И в этот момент я кончила. Бурно и страстно, издав при этом глубокий стон. Я стояла опозоренная, и многие хлопали в ладоши. Не помню даже как, и каким образом я очутилась на улице в незнакомом месте. Я стояла рядом с остановкой, откуда только что отправился мой автобус, и спереди на юбке красовалось огромное мокрое пятно. Постепенно выйдя из ступора, я собиралась было ретироваться, как кто-то сзади подхватил меня под локоть. Это была она. Нахалка и развратница, минутами раньше надругавшаяся надо мною в общественном транспорте.

— Как да как вы смеете! Я заявлю на вас. Я посажу. Вы пожалеете...

Она смотрела на меня и молчала. Затем, слегка наотмашь, вlepила мне весьма болезненную, и должно быть, оскорбительную пощёчину, разом пресёкшую мой краткий монолог.

— Не смей даже дёргаться. Получишь ещё. Ну, что пошли, — как-то обыденно сказала она, уводя меня с остановки, — мы приехали. Я тут недалеко живу. А машину завтра заберу, — давай двигай, не каждой везёт поступить ко мне в рабство. Ты даже не представляешь, что ты получишь.

Она приподняла руку, и уже по-свойски погладила меня по щеке. Затем по губам и по шее, и

вновь по лицу. Она поглаживала, и молча смотрела мне прямо в глаза. А я и не думала отстраняться. Мне снова стало хорошо и приятно. Нет, даже не так. Я ощущала прилив настоящего плотского счастья уже во второй раз за один день. Но ведь со мной как раз-таки приключилось несчастье в лице этой строгой и властной женщины. Развратной и пошлой в своих деяниях. Почему она до сих пор на свободе? Всё дело в её жертвах. Они на неё не заявили лишь потому, что боготворили её, любили и желали. Она сломала их волю и подчинила себе, сделав из них послушных марионеток. Точно так же, как и меня, в этом дурацком, вонючем, и душном автобусе. Набитом до отказа такими вот нехорошими пассажирами. А может быть, это я нехорошая? Похотливая и блудная. Поэтому, меня таким вот похабным образом и трахнули в присутствии массовой аудитории. А зрителям ещё как понравилась моя клоунада. Теперь мне кажется, что если бы она трахнула меня где-нибудь на вокзале, или в гипермаркете, быть может на рынке, я получила бы более сладостное ощущение. Я не такая, как все, и мне не смешно. Даже не больно. Может ли счастье заключаться в несчастье? О да, ещё как может. И чем оно порочнее, тем ярче ощущается. Я стояла и наслаждалась непристойными ласками, затем прошептала согласно:

— Что же, пойдёмте...

ARHIMED